1868-1968

ТРАДИЦИИ А. М. ГОРЬКОГО

ДОКЛАД Б. С. РЮРИКОВА НА ОБЪЕДИНЕННОМ ПЛЕНУМЕ ПРАВЛЕНИЙ СОЮЗОВ ПИСАТЕЛЕЙ СССР И РСФСР

I

Мы собрались в городе, где сто лет назад родился человек, которому история предназначила прославить художественным гением и родной город, и свою страну, свой народ. Имя его обозначило новую эпоху в развитии не только литературы, но и всей духовной жизни, всей культуры человечества.

Горький поднялся на грани двух эпох, он как бы соединял великую классическую литературу прошлого с новой социалистической литературой настоящего и будущего. Человек замечательной судьбы, от тягостного быта красильной мастерской поднявшийся до высот мировой культуры, он получил в дар от народа, от могучего племени волгарей вдохновенный талант, силу характера, мужество в борьбе за справедливое дело.

Мы хотим понять сущность и масштаб творчества, которое стало новым шагом вперед в художественном развитии человечества. Максим Горький стоит в нашем сознании как художник, освещенный светом великой идеи, властно пришедшей в мир, овладевшей умами и чувствами миллионов, — идеи социализма, революционного обновления мира, преобразования всех отношений на новой, справедливой основе. Никто еще не установил закона, по которому в такое-то время, в такой-то семье родится великий человек, и все же мы видим проявление исторической закономерности в том, что гениальный художник социализма был рожден в стране, куда в XX веке переместился центр мирового революционного развития.

Острота социальных конфликтов, напряженность отношений политической и духовной жизни, рост пролетариата и укрепление ведущей силы революционной борьбы — марксистско-ленинской партии, настойчивое изучение и творческое претворение всего международного революционного опыта — таковы обстоятельства, без учета которых нельзя понять своеобразия литературного развития в XX веке. И творчества Горького нельзя понять, если мы не осознаем его связи с революцией, с пролетарским движением, с Лениным и созданной им партией, с идейными исканиями, борьбой передовых русских людей, с традициями русской культуры и литературы.

Когда Горький был еще в начале своего творческого пути, его мировая роль стала ясна для передовых художников слова. Вот что написал в 1901 году Джек Лондон: «...Горький — подлинно русский в своем восприятии и понимании жизни... Его творчество насыщено горячим, страстным протестом. И это не случайно. Горький пишет потому, что у него есть что сказать миру, и он хочет, чтобы слово его было услышано».

Ныне крупнейшие художники мира свидетельствуют, что слово Горького было услышано и оказало воздействие на формирование духовного облика миллионов людей.

Во всемирном признании Горького слилось признание и значения русской революции, и огромного таланта этого нижегородского мастерового, принесшего миру не просто свое слово, а свою прекрасную душу.

Столетие со дня рождения Горького отметил весь культурный мир. Почти во всех странах журналы и газеты откликнулись на юбилей статьями, вышли новые издания произведений писателя, новые труды о его творчестве. Но были и статейки недоброжелательные, тенденциозные, извращающие содержание творчества писателя. Был обращен против Горького и такой прием, как замалчивание: как будто нет никакого юбилея, а если и был такой писатель Горький, так он принадлежит прошлому, сдан литературным архивариусам. Но и злобные домыслы, и замалчивание только подтверждают, что революционное, освободительное действие идей и образов Горького продолжается, что продолжается борьба за его творческое наследие, и нам сегодня яснее, чем когда бы то ни было, что борьба эта имеет широкое международное значение.

Связано это с тем, что все наши идейные, эстетические, литературные проблемы ведут в конце концов к решающей, всеопределяющей проблеме эпохи — отношения к **социалистической перспективе.** Ни общество, ни человек не могут жить без перспективы. Капиталистическое общество стоит перед противоречиями, не разрешимыми для него, оно по своей природе не способно удовлетворить насущные потребности людей, не в состоянии выдвинуть цели и задачи духовного развития, достойные человека. Миллионы трудящихся все более ясно сознают, что только социализм дает подлинную перспективу развития.

М. Горький воплотил в своем творчестве опыт революционной борьбы, роста людей, их идейных и нравственных исканий, — опыт народной жизни, исследованной им до самых глубинных пластов. В эпоху исторической борьбы социализма против капитализма опыт Горького помогает осознать перспективы общества, направление его развития, возможности, которые социалистический строй открывает перед каждым человеком.

II

В одном из писем первых дней XX века Горький, живший тогда в Нижнем Новгороде, писал:

«Новый век я встретил превосходно, в большой компании живых духом, здоровых телом, бодро настроенных людей. Они—верная порука за то, что новый век— воистину будет веком духовного обновления. Вера — вот могучая сила, а они — веруют и в незыблемость идеала, и в свои силы твердо идти к нему». И, адресуясь в Петербург из Нижнего Новгорода, он добавил: «Вам, в туманном Вашем городе, не видно, как быстро жизнь идет вперед, не видать, как растет человек и крепнет дух его и возвышается чувство собственного достоинства в нем. Здесь — это яснее. И как я рад, что живу здесь...»

Сегодня, находясь в том городе, где писалось это письмо, мы думаем о том, что прожили две трети века, в начале которого писал Алексей Максимович, и живем мы в последней трети XX века. Мы прожили десятилетия тяжелых испытаний. Мы видели много горя и жестокости, знали и голод, и войну, видели, как страшно проявляются злобные, разрушительные силы собственнического мира, но — самое важное — видели торжество человека и человечности. Главным содержанием века явились Великая Октябрьская социалистическая революция, социалистические преобразования в ряде стран. Сила нового, обновленного социализмом мира испытана и гражданской войной, и второй мировой войной, и непрекращающимися атаками наших идейных врагов. Весь мир убедился, что в военных, политических, идейных битвах неизменно побеждает социализм!

Горький рассматривал социализм как высоту, с которой трудящееся человечество может точно оценивать, справедливо судить, далеко видеть.

Открывая Первый съезд советских писателей, Горький говорил нам:

«Мы выступаем как судьи мира, обреченного на гибель, и как люди, утверждающие подлинный гуманизм — революционного пролетариата, — гуманизм силы, призванной историей освободить весь мир трудящихся от зависти, жадности, пошлости, глупости — от всех уродств, которые на протяжении веков искажали людей труда».

Горький продолжил гуманистические традиции русской литературы. Но он отвечал на вопросы нашего века. Развитие классовой борьбы, социалистическая революция, строительство социализма открыли новый этап истории человечества. Это было новым этапом в развитии гуманизма.

Идея социалистического гуманизма стала основой пафоса Горького. Это — гуманизм активный, революционный, основанный на ясном понимании задач утверждения и отрицания. Горький-художник совершил подвиг глубокого, трезвого исследования всех классов общества, анализа социальных конфликтов, изображения характеров и типов, раскрывающихся в этих конфликтах. Он раскрыл безмерную тяжесть угнетения людей, подавления их человеческого достоинства эксплуататорами, проник в сложнейшие процессы духовной жизни общества. Он сказал о несостоятельности старого строя с силой, равной художественной силе могучих корифеев прошлого. Но он сказал то, что не смогли сказать его великие предшественники, — он показал силу сопротивления народа своим угнетателям, боевой дух и сознательность борьбы передовых рабочих, мощь революции, приведшей в движение глубочайшие пласты океана народной жизни, энергию и убежденность революционеров и глубину народной поддержки этим «лучшим людям земли».

Маркс назвал коммунизм реальным гуманизмом. Этими словами выражено, что наш, новый гуманизм преодолевает абстрактность, неопределенность побуждений, черпает силу в реальном потоке истории, в действительном движении, в опоре на определенные социальные силы, сознательно стремящиеся к определенным, реальным целям. Впервые в истории мирового искусства гуманистические стремления художника последовательно слились с объективной логикой освободительного социалистического пролетарского движения, гуманизм совпал с диалектикой классовой борьбы.

Горький был художником народного движения, сметающего мир капитализма и создающего новый, справедливый мир социализма. От экономических отношений до самых сложных и тонких явлений духовной жизни мир понят им и объяснен в свете передовых идеалов.

В истории человечества не было эпохи, когда вопрос о человеке, его судьбах, его роли в развитии общества стоял бы с такой остротой, как в наше время. Империализм поставил под угрозу само существование целых народов, десятков и сотен миллионов людей. С другой стороны, строительство социалистического общества, развертывание классовой освободительной борьбы в странах капитала, борьба за обновление жизни в развивающихся странах сделали очевидным, что старому миру противостоит новый, крепнущий мир, уверенное развитие которого приближает гибель старого. Отжившие общественно-экономические формации всегда цеплялись за свое место под солнцем, всегда сопротивлялись истории. Но во всей прошлой истории человечества ни одна формация не уходила с исторической арены с таким бешеным сопротивлением, причиняя такие бедствия, как капитализм.

Все это делает как никогда важной и действенной роль народных масс, роль каждого человека, каждой личности в историческом процессе. Горький говорил людям: «История за вас, потому что вы ее творцы».

Величие Горького выразилось в том, что он с огромной силой сказал о новом значении, о новой ответственности человека, принимающего на свои плечи задачи обновления и переустройства мира. Личность и общество, масштаб личности, направление ее развития и деятельности — вот вопросы, поставленные современностью.

Творчество Горького обращено к самым напряженным идейным спорам современности. Буржуазно-идеалистическая философия выдвигает абстрактное понятие человека, тащит в туман отвлеченности — таким способом она выводит человека за пределы общественной борьбы. Абстрактный гуманизм выводит мысль за рамки социальных конфликтов современности. И если некоторые наивные люди ратуют за гуманизм вообще — «без прилагательных», то следует сказать, что такая отвлеченность была совершенно неприемлема для Горького. Он твердо знал, **с кем**, за что, **против кого борется**. Создатель великолепных образов-открытий, бросающий свет на новые явления жизни, Горький был весь в историческом движении, а движение это — борьба **за** и **против**, утверждение и отрицание, действенность познания и оценки, любовь и ненависть, **определенность гражданских позиций.**

Нам надо чаще вспоминать глубокие слова Ленина: «...история идей есть история смены и, **следовательно, борьбы** идей».

В эпоху, когда вопрос о перспективе стал насущнейшим вопросом дня, когда революционное обновление мира придвинулось вплотную, надо было отвечать: есть ли люди, способные принять на свои плечи эту историческую ответственность. Горький ответил на этот вопрос образами Ленина и его соратников, образами Нила, Павла Власова, Синцова, Кутузова, людей советского общества. На вопрос истории он ответил: да, есть такие люди. Они борются и побеждают!

Но величие Горького не только в этом. Он не ограничился тем, что полным голосом сказал об авангарде человечества. Герцен как-то заметил, что художник может дать то, что еще не схватил анализ ученого: силы дремлющие, ищущие ответов, готовые проснуться. Горький любил обращаться к этим дремлющим силам так же, как и писатели прошлого века. Но в эпоху Горького эти силы живут иной жизнью в соприкосновении с активными деятелями эпохи, с теми, кто встал во главе борьбы. Приближается их пробуждение, их включение в деятельность. Не случайно героем романа о пролетарских революционерах был не столько подпольщик Павел Власов, сколько его мать, от темноты и пассивности пришедшая к сознательности и деятельности.

В 1919 году Горький писал о задаче «вызвать человека из цепей унизительной действительности, показать ему самого себя не рабом, а владыкой фактов, свободным творцом жизни».

И Горький показал, как сама жизнь формирует и выдвигает свободных творцов жизни, хозяев своей судьбы. Своими произведениями он вооружил духовным оружием огромной силы передовых людей своей страны — и не только своей!

Уильям Фолкнер мрачно заметил, что наше время — время всеобщего страха, утвердившегося так прочно, что не остается больше проблем духа. Что же, жизнь в США давала Фолкнеру много оснований для таких заявлений! Но все же не вернее ли сказать, что наше время — время великого мужества, преодолевающего страх и инерцию прошлого, время утверждения великих идеалов, борьбы за самые высокие цели?

Гуманизм Горького был основан не на слепой вере, а на научном знании общества. Он оставил нам художественную энциклопедию современности, произвел, так сказать, всеобщую перепись общественных сил страны и в реальной действительности увидел силы труда, революции и социализма, изображение которых составило его писательский подвиг. С величайшей трезвостью, проницательностью, доходя до корня явлений, до сокровенных пружин деятельности людей, он показал эпоху во всем многообразии личностей, характеров, общественных групп и классов, не впадая в схематизм, понимая, насколько индивидуален и неповторим каждый образ. Он запечатлел главные направления, главные силовые линии социальных конфликтов и перемен XX века.

Искусство осуществляет проверку человека в свете невиданных еще революционных задач. Ведь законы общественного развития не осуществляются автоматически, но реализуются в деятельности людей. «История — **не что иное**, как деятельность преследующего свои цели человека». Горький последовательно обращался к действительности, брал ее такою, какой она была, и в самой действительности видел силы развития, движения от настоящего к будущему. Исследователи отмечают осознанный историзм горьковского творчества. Он верен истории и действительности и тогда, когда пишет о близком и дорогом себе, и тогда, когда пишет о том, что он ненавидит и призывает отвергнуть.

Горький был художником эпохи, которая похоронила русский капитализм. В его эпопее представители этого строя даны со всей объективностью, всесторонне, глубоко конкретно, но именно Маякины, Артамоновы, Булычовы, Достигаевы изображены как фигуры, осужденные историей. Как бы мы ни относились к этим людям — а в Артамонове-старшем, в Булычове есть импонирующие писателю черты, — с точки зрения развития общества, они принадлежат вчерашнему дню.

Объективно — не значит бесстрастно, спокойно. Горький был художником пристрастным. Он писал: «Беспристрастие — это бесстрастие. Мы — **люди страстные, мы страстно ненавидим, и мы будем пристрастны...**»

Ненависть служила у Горького утверждению подлинно человеческого и очищению его от всякой лжи и злобы.

Иногда об этой ненависти к врагам человечности говорят неуверенно, в духе какого-то полуизвинения. Но извиняться нам нечего. Эта великая русская традиция выражена словами поэта:

То сердце не научится любить,
Которое устало ненавидеть.

Определенное, искреннее, страстное отношение к враждебным людям силам, к бесчеловечному общественному строю и его представителям — вот что такое ненависть подлинного гуманиста.

Поэтому Горький писал А. Макаренко: «Хорошую Вы себе «душу» нажили, отлично, умело она любит и ненавидит».

И любовь Горького, и его ненависть были чувствами писателя-борца, воинственно утверждавшего новые революционные ценности. Исторически новым явлением был гуманизм Горького, воплотивший мысль и страсть революционной эпохи, основанный на глубокой объективности познания мира.

Подчас недоумевают: Горький сочувствует Булычову, а это представитель ненавистного писателю строя? Да, своей внутренней силой, отвращением к фальши, ханжеству, лицемерию, глухой тоской о народной среде, из которой он вышел и которую потерял, костровской миллионщик Булычов вызывает сочувствие писателя. Но Булычов умирает, отрицая «царство смрада», и сочувствие этим движениям души усиливает ненависть к системе общественных отношений, калечащей людей.

И в этом нельзя не видеть огромной силы той объективной диалектики, которую несло творчество Горького. Иногда наши исследователи и критики оказываются не на уровне этой диалектики и начинают сглаживать остроту горьковских ситуаций. Некоторые авторы статей и режиссеры, например, стремятся найти «новые краски» в образе странника Луки, утверждая, что в наше время следует с большой признательностью посмотреть на доброту этого героя.

Лука — **сложный образ, и это понимали уже первые** постановщики пьесы — Станиславский и другие деятели Художественного театра. Его ласковость замешана на равнодушии, от его доброты ничего не изменяется в жизни людей. Горький обращается к образу с критерием **проверки жизнью**, участия в судьбах людей, он не принимает утешительства, считает его фальшивым и холодным, а нам предлагают «реабилитировать» утешительство, связав его с добротой нашего общества.

Велись споры и о стариках Бессеменовых. Говорилось, что они-де — **жертвы** исторического процесса, и потому заслуживают **жалости.** Для Горького же правда всегда была выше жалости, главное было в той роли, что играл и играет мещанин в жизни людей, а Бессеменов был активным носителем идеи неподвижности, косности, незыблемости мещанского царства. Отношение Горького к этому царству вполне отчетливое. Один талантливый режиссер тонко заметил, как по-разному «играет» такая деталь декорации, как шкаф у Чехова и Горького. У Чехова тирада Гаева, обращенная к «многоуважаемому шкапу», проникнута добродушной иронией. У Горького шкаф, громоздкий, мешающий людям, — это символ страшной жизни, затхлой, неподвижной, отрицающей все новое. В эмоциональном отношении к этой детали декорации проявляется отношение к жизни, которая должна быть изменена, перестроена до основания. Такова горьковская идея, такова беспощадность его к тому, что мешает людям жить. Да, наше общество — доброе и справедливое, но именно поэтому подлинный Горький, мужественный, последовательный, глубокий, должен быть огражден от некоторых псевдосовременных усовершенствователей!

Вспомним и некоторые недавние упражнения над образом Нила из «Мещан» — рабочего-революционера стремились представить как можно более земным и даже приземленным, прямолинейным, грубым. Говорили, что следует избегать резонерства, плакатности... Но искусство — не маятник, качающийся из стороны в сторону. Недостойно искусства — шарахаться от изображения резонерского или плакатного к вульгарному и огрубленному...

Вокруг произведений Горького, вокруг отдельных его образов могут и должны вестись споры, и чем больше мы углубим горьковское понимание мира и человека, тем больше мы выиграем, но в спорах мы должны быть верны гуманистическим идеям великого писателя.

Значение наших споров выходит за рамки литературных дискуссий, нередко речь доходит до столкновения взглядов по коренным мировоззренческим вопросам. Не удивительно, что социалистический гуманизм оказался ныне под вражеским обстрелом в разных направлениях.

Его обстреливают с «общечеловеческих» позиций, где укрепились люди, не одобряющие революции, борьбы, социальных конфликтов и мечтающие о всеобщем примирении и благостном «сорадовании». Что сказать о них? Гремят выстрелы в Америке, самолеты США сеют огонь и смерть во Вьетнаме, разгораются классовые бои во Франции, Западной Германии, старое и новое сталкиваются в Африке и Азии, а «гуманисты» все осуждают борьбу, справедливую ненависть и призывают к ангельскому смирению... Нет, мир стоит перед такими проблемами, которые без напряжения сил, без преодоления бесчеловечия, кротостью и смирением не решить!

Но социалистический гуманизм обстреливают не только расплывчатые либералы, — воинственно выступают и сектанты, националисты, критикующие научный коммунизм с точки зрения казарменного коммунизма. Разнузданные маоисты, не признающие никаких ценностей, готовы громить и культуру, и гуманизм. Из Китая доносятся голоса, объявляющие гуманизм ревизионистской, буржуазной выдумкой, уловкой врага и т. д. Сущность этих антисоциалистических заявлений достаточно выяснена в марксистской прессе разных стран. Упростители сами себя разоблачили как враги культуры и дезорганизаторы освободительной борьбы. Что бы ни кричали вульгаризаторы, мы не спустим знамя социалистического гуманизма, вдохновляющее знамя подлинной человечности.

Мы помним, что воплощением истинного гуманизма и революционности для Горького был Владимир Ильич Ленин, что писатель видел в развитии Советского Союза осуществление принципов подлинной человечности. Он прекрасно понимал, как сложен наш путь, с какими трудностями и лишениями он связан, видел и ошибки, и недостатки на этом пути, но знал и верил, что наследники разума и воли Ленина твердо держат зажженный им факел.

Эту высокую человечность, ставшую основой политики государства и партии, советский народ отстоял в огне революции, в трудовых битвах на полях сражений. Социалистическая общественно-экономическая формация — вот основа реального гуманизма нашего общества.

Советские писатели связаны глубочайшей сердечной связью с социалистической формацией. Это связь глубокая, органичная: ради того, чтоб эта формация утвердилась в революции и была сохранена от вражеских нападок, трудящиеся отдали много сил, энергии, не щадили жизней. И вдруг нам советуют «не связывать» себя с социализмом! Дающие такие советы говорят о смелости и широте, но в их назиданиях проявляются прежде всего узость, слепота и нежелание понять новое содержание общественного развития.

Связь с социалистическим строительством, с новаторской деятельностью народа — священная традиция советской литературы, завещанная Горьким.

III

Революционный гуманизм Горького оплодотворял и его взгляды на развитие культуры в нашу эпоху. По словам Р. Роллана, «...никогда и никому, кроме Горького, не удавалось столь великолепно связать века мировой культуры с революцией...»